

Ксюша Левина

**ДЕРЖИСЬ
ОТ НЕГО
ПОДАЛЬШЕ**

Ксюша Левина

**ДЕРЖИСЬ
ОТ НЕГО
ПОДАЛЬШЕ**

*Посвящается Кате, Свете, Ане,
Лене, Ксюше и тебе, читатель.
Идея украдена у Дж. К. Роулинг.*

ПРОЛОГ

Оказывается, два года жизни могут поместиться в две спортивные сумки. Печально и несправедливо осознавать — я собрала вещи, но никто мне не отдаст ни часть души, ни воспоминаний вместе с ними. И целая куча совместных планов, что висят незакрытыми гештальтами, полетела в мешок, который придется, видимо, таскать за собой ближайшие месяцы.

Гардероб так и остался нетронутым: долго я смотрела на красивые платья и костюмы, купленные Егором, но рука не поднялась снять хоть что-нибудь с плечиков. Это все не мое. Так что забираю только то, с чем пришла.

— Я тебя отвезу. — Хриплый, слишком громкий голос Егора пронзает тишину, наедине с которой я была последние два часа в полной гармонии.

Он совсем бледный. Мне кажется, что я вырвала его сердце и выпустила пару литров крови. Руки трясутся, и я бы точно не посадила такого человека за руль. Его губы кривятся снова и снова — вот-вот наговорит обидных слов. Потом будет просить за них прощения, будет удивляться, откуда они вообще взялись в голове. Мне страшно оттого, насколько хорошо я его знаю. Знаю его запах, жесты, любимый сорт кофе. Знаю, сколько времени ему нужно утром,

чтобы собраться и выйти из дома. Знаю, как бы он назвал нашего несуществующего кота. Знаю, какую машину купил бы и за какую футбольную команду болел бы, если бы смог выделить время следить за матчами. Я знаю, сколько денег на его карточке, кто ему пишет по ночам, и это совершенно точно не девушки. Меня пугает, насколько этот человек мне знаком, и выйти из его жизни — все равно что покинуть собственное тело.

Я встаю с ковра, и Егор тут же падает к моим ногам — на колени, вцепляется в бедра, прижимается к ним лбом.

— Не уходи.

— Я вызову такси. — Пытаюсь игнорировать, пытаюсь не начать перебирать его волосы, торчащие во все стороны. Последние пару часов он все время их ерошил, сидя в машине, и не решался выйти. Это я тоже знаю наверняка, мне не нужно подтверждения.

Пытаюсь не слышать тяжелого дыхания и отрешиться от мысли о сильных пальцах, сминающих мои джинсы. Вглядываюсь в покрытый сетью трещин экран своего телефона, ищу иконку приложения такси.

— Ась...

— Не мешай.

Как же тяжело злиться! Но голос звучит резко и уверенно — на мой совершенно не похож. Это какая-то другая девчонка, которая может и прикрикнуть, и набраться смелости уйти, и не станет Егора жалеть. И все равно так хочется сесть на диван, улыбнуться — дать заднюю. Пообещать, что все будет хорошо: и кота заведем, и поедем отдыхать на недельку подальше от всех. И конечно, нет ничего страшного в ссорах. Все ссорятся, что такого? Главное же не это, верно?

Но справедливости ради, я чувствую себя обманщицей, когда прокручиваю в голове этот сценарий, и все это явно не относится к хорошим знакам.

— У папы юбилей, — хрипло бормочет Егор.

— Я помню.

— Соня звала...

— Она меня терпеть не может, не звала.

— Мы с парнями...

— Неинтересно.

— Как ты будешь одна?

— Замечательно.

— Сама-то веришь?

— Нет. — Я даже не замечаю, что все это время жмурюсь, и только на последнем слове открываю глаза, чтобы столкнуться с его прямым пронзительным взглядом.

Колени подгибаются сами собой. Егор тут же перехватывает за талию, прижимает к себе и зарывает лицом в мои волосы. Добирается до шеи, горячие губы начинают иступленно целовать — с жадностью, как будто понимая, что это в последний раз. Но я совершенно точно знаю, что он думает иначе.

— Мне пора.

— Ты бы давно ушла, если бы было пора, — бормочет он между поцелуями, даже не догадываясь, что делает только хуже.

И мне, и ему будет тяжело и больно, но я все равно уйду, даже если так и не вызову такси.

— Пусти.

Он прижимает меня к себе сильнее.

— Пусти, Егор!

Он мотает головой, как ребенок, у которого забирают игрушку и велят идти спать.

— Егор, я устала! Пусти! Я хочу домой.

— Твой дом тут.

— Нет.

Я отстраняюсь от него настолько, что мы можем посмотреть друг другу в глаза. Егор тут же затихает, перестает бороться, опускает руки.

— Ты вернешься?

— Нет. — Голос даже не дрожит, но это сомнительная победа.

— Вернешься.

Я снова пытаюсь вызвать такси, но не с первого раза попадаю по иконке.

— Я куплю новый, я же разбил.

Пытаюсь сказать, что сама разберусь, но это прозвучит жалко. Уж лучше разобраться, а потом говорить.

Телефон сообщает, что машина найдена, Егор бледнеет еще сильнее. Так далеко я до сих пор не заходила. Вещи собирала, да, было несколько раз. Выносила их за порог. Оставляла в коридоре и уходила ночевать к подругам. Но не вызывала такси вот так, с сумками в руках.

— Вернешься, — бормочет он снова и снова, пока я поднимаюсь на ноги, подхватываю вещи и иду к двери.

Мне кажется, что я вонзаю нож в сердце Егора, когда дрожащими пальцами снимаю с брелока ключи от нашей квартиры. Они застревают, и все никак не получается от них избавиться. Такого я тоже не делала. Даже когда во время крупных ссор уезжала из дома. Даже когда в шутку кричала, что уйду к маме. Комплект ключей всегда был со мной.

Егор смотрит на меня, как провинившийся несчастный пес, который не знает, куда податься без хозяйки. Всякий раз от взгляда на него замирает сердце. На моем брелоке остается крошечный кошачий адресник с выбитым на нем «Персик», но уже нет ни

сил, ни времени его убирать. Выхожу и прижимаюсь спиной к двери.

Ничего.

Тут главное время, верно?

Верно.

* * *

Мы с Колчиным созданы друг для друга, как Бонни и Клайд, Ромео и Джульетта, Серкан Болат и Эда Как-ее-там. Те самые герои, которые настолько сильно не могут быть вместе вопреки всему и на веки вечные, что в итоге или умирают в один день молодыми, или сотню раз расстаются, а затем умирают. Хороший был бы финал. Очень драматичный и очень болезненный. Такой, от которого в восемнадцать лет я бы сходила с ума, рассказывая подружкам, что это лучшая история на свете, потому что хеппи-энды — для слабаков. И именно по этой причине я сейчас еду в такси и задыхаюсь от желания вернуться и все исправить. Впиваюсь ногтями в ладони, пытаюсь себя отрезвить. И снова. И снова. И снова.

Мы с Колчиным так прекрасно друг другу не подходим, что очень быстро когда-то решили — это «по-настоящему». Наша любовь — это вообще единственное настоящее, что было и есть в этом мире. Как же осточертела мне эта любовь! И поскорее бы остановилось проклятущее такси, которое еле тащит-ся по ночному городу.

— Во двор заезжать или тут где-то подъезд? По карте не вижу.

Все ты видишь, просто не хочешь тащиться в самую грязь.

— Давайте тут.

Я уже сама до чертиков хочу на свободу.

Моя свобода — это девятиэтажная панелька, шестой этаж, окна на детскую площадку и новостройку, которая выросла рядом за те два года, что я прожила с Егором. На душе тут же начинает разливаться грязной лужей тоска. Еще один повод сорваться и вернуться домой, потому что тут — не дом. Тут плохо, грязно, в квартире будет холодно. Даже чайника, кажется, нет. Тут стоит законсервированная в пыльных комнатах, как в банке, моя жизнь двухлетней давности. Старая одежда, старая обувь, старая швейная машинка. Тут в гараже мой мотоцикл, к которому я не прикасалась с прошлого лета.

Я начинаю задыхаться в попытке сдержать слезы. Меня даже некому пожалеть, так зачем начинать плакать? А потом все равно складываюсь пополам и сажусь на корточки, обняв колени. Кажется, что, если войду в квартиру, все закончится, а пока есть пять секунд в полупозиции и можно сделать вид, что есть время для сомнений.

— Вы в порядке?

Поднимаю голову, чтобы найти вежливого прохожего, но вместо этого на меня смотрят два черных веселых глаза здорового ретривера.

Я, кажется, схожу с ума. Со мной разговаривает ретривер — комичное завершение отвратительного дня.

— Ты кто такой? — осипшим голосом шепчу собаке.

— Вячеслав, — произносит низкий мужской голос, а собака синхронно приоткрывает пасть и подается вперед, чтобы уткнуться в мою грудь носом.

— Что? — Я отшатываюсь, падаю на землю, но тут же чьи-то руки меня ловят, а ретривер начинает облизывать лицо.

— Слава, прекратите! — строго велит ему хозяин.

У меня все встает на места: со мной не пес говорил разумеется, я не сошла с ума. Но, видимо, настолько голова забита, что и не подумала посмотреть по сторонам. Собака говорит? Окей, это не худшее, что могло случиться.

— Простите. Да, все в порядке. Я живу в этом доме, ключи ищут просто, — бормочу под нос, проверяя карманы, пока мужчина молча стоит рядом.

Он не бросается помочь, не спрашивает, не нужно ли проводить, а я на него не смотрю. Не хочу светить заплаканным опухшим лицом.

— Окей, — говорит незнакомец и уходит.

Ему неинтересно, почему я плачу, сидя на корточках рядом с сумками посреди парковки убогой девятиэтажки. Смотрю в спину уходящему Вячеславу и его безымянному хозяину. Даже слезы бежать по щекам перестают, хотя ничего странного в человеке, выгуливающем пса, нет.

Парочка сворачивает к новостройке и скрывается в приличном остекленном современном подъезде. В то время как я иду к тяжелой, обшитой деревянными панелями двери, в которую пару лет назад врезали домофон, а до этого по старинке было нужно помнить код.

Когда-то три года назад я так же шла в эту квартиру с парой сумок. Это был мой день рождения, мне выдали ключи от бабушкиной квартиры в ответ на нытье, что я уже взрослая. Я поехала начинать самостоятельную жизнь. До начала первого курса было всего два месяца — столько дел и планов впереди. За то лето я нашла себе первую и последнюю работу — контролером в кинотеатре. Полюбила всей душой кино и посмотрела, кажется, две сотни фильмов, пользуясь тем, что можно торчать на балконе с ноутбуком до самого утра, потому что на работу идти

только к обеду. Впервые в жизни сделала себе каре, а потом купила первый дешевый розовый тоник для волос. Пошла учиться в автошколу. С первой зарплаты купила швейную машинку, чтобы в самые нищие месяцы можно было шить фатиновые юбки.

Все эти воспоминания оживают почему-то в лифте, как будто он единственное неизменное в этом мире, начиная с рекламы стоматологии под битым стеклом и заканчивая жжеными кнопками.

Ключ кажется неправильным: слишком маленьким и неудобно лежащим в руке, в отличие от того, которым я открывала квартиру Егора два последних года. Но знакомо поворачивается в замке, щелкает дважды, в нос бьет пыльный запах. Бросаю сумки посреди коридора, падаю рядом с ними на пол таким же бесформенным мешком и обнимаю себя руками.

Все не так плохо, как могло бы быть. Мне есть куда уйти. Осталось решить всего парочку проблем, и все наладится. А через секунду звонит телефон, и мое мучение по имени Егор врывается в тишину квартиры пронзительной трелью.

Глава 1

Два месяца спустя. Сентябрь

У нас с соседом есть ритуал. Он — мое утреннее шоу, я — его тайный сталкер.

— Привет, сосед, — здороваюсь с ним, открывая балкон.

Сосед из новостройки, с которым мы живем окна в окна по причуде строителей, открывает свои модные рулонные шторы, потягивается и начинает зарядку.

Поднимите ручки выше, раз-два-три.

Я включаю музыку и присоединяюсь к соседу. На пробежку он меня может не ждать, тут уж дудки, а гимнастика — это приемлемо. Кроме субботы и воскресенья. Хотя интереса ради я ставила будильник на семь утра в выходные, и он делает ровно то же самое, что и в будни. Мне смешно оттого, какой у меня правильный сосед.

А теперь отжимания.

В квартире напротив в отличие от моей панорамное остекление, и я прекрасно вижу, как ретривер Вячеслав перепрыгивает через хозяина, пока тот отжимается от пола.

— Давай, красавчик, поднажми, вчера было сорок пять. Ну-у, что, не выспался? Всего сорок два. — Последнее бормочу, обращаясь к гипсовой копилке в форме кота, на шее которой висит ошейник нашего с Егором несуществующего питомца и адресник с именем «Персик». — Запиши в дневник тренировок: «Сосед сачкует», — велю коту и перехожу на кухню.

Время завтрака.

Теперь соседа видно гораздо хуже: на кухне у него окно обычное. Если он отодвинет тюль, чтобы нарвать с подоконника какую-то зелень, которая у него там пышно колосится в отличие от мои засыхающих цветов, то мы позавтракаем вместе.

— Приятного аппетита, сосед, — салютую ему чашкой растворимого кофе, гадая, что же этот травоядный пьет. Наверное, воду с лимончиком.

Наблюдения за этим типом стали моей отдушиной. Он единственное живое и постоянное, что меня окружает.

Все лето я проработала в магазине тканей, что любя моя подруга из компашки Егора сочла бы абсолютным падением. Там я потребляла минимальную дозу общения с кем-то живым. Люди по ту сторону прилавка менялись, были непредсказуемыми и не всегда приятными. Никогда не знаешь, кто войдет в двери: милая девушка или скандальная тетка. А что-то стабильное — это сосед. Как выяснилось, вот что мне нужно в режиме одиночества. Видеть рядом хоть кого-то живого. Быть может, стоило завести кота вместо гипсовой копилки.

Первые дни я не понимала, куда мне идти, если вдруг загорится квартира, что делать, когда приснится кошмар или одолеет бессонница. Я по жизни боюсь темноты и подозрительных теней, скользящих по стенам от фар проезжающих мимо дома машин. Все обострилось в одиночестве. Мне нужно, чтобы что-то шевелилось в радиусе видимости и в случае чего я знала, что оно настоящее. И когда за полночь я выхожу на балкон, чаще всего вижу, как за столиком, приставленным к панорамному окну, сидит сосед и печатает что-то на ноутбуке. Я ни разу не рассмотрела его лица и детали внешности просто

додумываю. Они мне, в сущности, неинтересны. Он мог бы быть старым дедом, сорокалетней женщиной или прыщавым подростком. Это все не так уж важно, я просто надеюсь, что, если из-под кровати вылезет монстр, смогу выбежать на балкон и крикнуть: «Эй, сосед! Помоги!» Ну не он, так его ретривер прибежит.

Смотрю на часы, и тут же настроение падает. Пора. Беру в импровизированном гардеробе, сделанном из картонных коробок, красную рубашку и накидываю на плечи, потом возвращаюсь к окну. Сосед тоже куда-то собирается, видимо пробежка была сегодня не по графику — пока я была в душе.

— Ну что, Персик... Как ты там меня учил? — Облокачиваюсь на подоконник, смотрю коту в навечно застывшие глаза. — Мне плевать на сплетни. Мне плевать на то, где я живу, кем работаю и во что одета. Я свободная и могу делать что хочу. Меня никто не сможет задеть. — Персик не отвечает, как обычно, я же отсчитываю пару секунд, будто жду, когда его гипсовая пасть раскроется и он заговорит. — Я вернусь в строй, снова найду друзей и снова стану центром своего гребаного мира. Дай пять!

Оглядываюсь по сторонам, не забыла ли чего, и, как всегда, прихожу в уныние. Моя квартира, доставшаяся от бабули, сейчас не в лучшем состоянии. Старый полопавшийся линолеум прикрывают потертые ковры. От разваливающихся шкафов и сломанного дивана пришлось избавиться. Кровать в спальне скрипит, а на кухне такие древние шкафчики, что я всерьез опасалась, как бы однажды они мне не рухнули на голову. Тут очень-очень плохо, и, когда я всерьез ушла от Колчина и перевезла в эту квартирку вещи, весь первый вечер прорыдала как дура оттого, насколько же это жалкое жилище. Сейчас стало немного лучше, но не настолько, чтобы я не мечтала

о ремонте или не вспоминала нашу с Егором крошечную, но идеальную, как с картинки, студию. Всякий раз иду домой и заставляю себя не думать об этом, потому что мысли никогда не останавливаются только на стильной плитке под бетон или виде из окна — они непременно идут дальше. К самому Колчину.

Я не видела Егора два месяца. Он за это время съездил со своими друзьями в отпуск к морю, о чем писал мне в безответных сообщениях. Завел какую-то интрижку, если верить соцсетям, где меня чуть ли не отмечали, чтобы я все точно увидела. Начал новую жизнь — про это был отдельный пост. И превратил меня во врага народа. Каждый его друг написал мне какую-то гадость, будто мы не четверокурсники, а четвероклассники. Все бывшие подружки из большой тусовки Егора, что общались со мной как с его девушкой в течение двух лет, стали активно обсуждать меня за спиной. Я точно знала, что многочисленные друзья и знакомые бывшего распространяют самые мерзкие слухи, но, наверное, после двух лет отношений это что-то естественное. Почему-то все были уверены, что я изменила Егору, что он выставил меня за дверь и, кажется, что я бросила институт.

Я же в это время просто искала машину времени, чтобы вернуться в беззаботное семнадцатилетнее лето под плейлист трехлетней давности, и обманывала мозг, как могла.

Смешно было снова торчать на балконе с ноутбуком и сериалами, шить фатиновые юбки и смотреть запоями фильмы. Красить губы черной помадой, не делать бежевый маникюр. Последние два месяца я занималась тем, что притворялась кем угодно, только не собой. Делала что угодно, лишь бы не вспоминать о старом. Я не досматривала сериал, который мы